

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Старикова Н. В. Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов : досуговые практики / Н. В. Старикова, А. В. Шуршикова, Е. С. Суroveгина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 506—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528.

Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Surovegina, E. S. (2024). Urban Population of Nizhny Novgorod in First Half of 1920s: Leisure Practices. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 506-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов: досуговые практики

Старикова Нина Владимировна

orcid.org/0000-0001-6631-0296
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории
России и вспомогательных
исторических дисциплин,
корреспондирующий автор
ninast78@yandex.ru

Шуршикова Анна Владимировна

orcid.org/0000-0002-8012-4630
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
и вспомогательных исторических
дисциплин
annashurshikova@yandex.ru

Суroveгина Екатерина Сергеевна

orcid.org/0000-0002-6831-1249
старший преподаватель кафедры
истории России и вспомогательных
исторических дисциплин
ekaterina.surovegina@mail.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Urban Population of Nizhny Novgorod in First Half of 1920s: Leisure Practices

Nina V. Starikova

orcid.org/0000-0001-6631-0296
PhD in History, associate professor,
Head of the Department
of Russian History and
Auxiliary Historical Disciplines,
Corresponding author
ninast78@yandex.ru

Anna V. Shurshikova

orcid.org/0000-0002-8012-4630
PhD in History, associate professor,
Department of Russian History
and Auxiliary Historical Disciplines
annashurshikova@yandex.ru

Ekaterina S. Surovegina

orcid.org/0000-0002-6831-1249
Senior Lecturer, Department
of Russian History and
Auxiliary Historical Disciplines
ekaterina.surovegina@mail.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование досуга нижегородцев в годы нэпа. Охарактеризованы разновидности городского досуга и его связи с государственной идеологией. Проанализирована 31 единица материала. В качестве материалов привлекаются законодательные источники, статистика и периодическая печать. Источниками выступили статьи уголовного и административного кодексов, статистические данные, нижегородская пресса. Выполнен обзор нижегородской периодической печати 1921—1924 годов. Представлены результаты сопоставительного анализа законодательных материалов, статистических данных и периодики. Уделяется внимание способам и методам формирования городской культуры, соответствующей государственной идеологии. Поднимается вопрос о девиантном поведении горожан и о причинах данного явления. Подчеркивается, что новые праздники были призваны заместить религиозные торжества. Показано, что ценностные ориентиры городского сообщества формировались под влиянием идеологических установок и распространялись через новые досуговые формы. Доказано, что структура городского праздника способствовала утверждению новых общественных ценностей. Авторы приходят к выводу о значении организованного досуга для создания социокультурной городской среды. Показана роль периодической печати в популяризации форм городского досуга. Актуальность исследования обусловлена изучением связи идеологии с организацией городского досуга.

Ключевые слова:

новая экономическая политика; городской досуг; идеология советского города; культурно-просветительская работа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the leisure activities of Nizhny Novgorod residents during the NEP era. Various forms of urban leisure and their connections to state ideology are characterized. A total of 31 sources were analyzed, including legislative sources, statistics, and periodicals. Sources included articles from criminal and administrative codes, statistical data, and Nizhny Novgorod press. An overview of Nizhny Novgorod periodicals from 1921-1924 is provided. Results of a comparative analysis of legislative materials, statistical data, and periodicals are presented. Emphasis is placed on the ways and methods of shaping urban culture in line with state ideology. The issue of deviant behavior among city dwellers and its causes is raised. It is highlighted that new holidays aimed to replace religious celebrations. The study shows that the values of the urban community were influenced by ideological beliefs and spread through new leisure forms. It is proven that the structure of urban festivities contributed to the establishment of new societal values. The authors conclude on the significance of organized leisure in creating a socio-cultural urban environment. The role of periodicals in popularizing urban leisure forms is demonstrated. The relevance of the study lies in exploring the connection between ideology and the organization of urban leisure.

Key words:

New Economic Policy; urban leisure; Soviet city ideology; cultural and educational work.

УДК 94:394.26 (470.341)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов: досуговые практики

© Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Суровегина Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Город как социокультурный и социально-экономический феномен, процессы урбанизации в контексте исторических пространственно-временных категорий, практики городской повседневности — эти темы заняли прочное место в новейшей отечественной историографии. Особым вниманием историков пользуется изучение городских повседневных практик как постоянно повторяющихся элементов, составляющих саму ткань истории. По справедливому замечанию одного из основателей данного направления Альфа Людтке необходимо отказаться от одномерного восприятия истории и обратить внимание на многовекторность реального исторического процесса [Людтке, 2010, с. 22]. Ученый обращал внимание научного исторического сообщества на необходимость исследования повседневных процессов на уровне микроистории, реконструкции повседневности небольших объектов, вплоть до отдельных трудовых коллективов. В центре нашего исследования лежит процесс формирования новых досуговых практик городского населения. Значимость изучения этого явления связана со становлением новой советской культуры индивидуального будничного досуга и массовых городских праздников в контексте утверждения новой государственной идеологии.

Советские города начала и середины 1920-х годов в социальном плане не были однородными. Н. Г. Кулинич отмечает, что для городов указанного периода характерно отсутствие четкой классовой структуры их населения [Кулинич, 2010, с. 68]. Причиной этого явления стало явное противоречие между государственной идеологией и социальными последствиями новой экономической политики. С одной стороны, городское пространство было заполнено лозунгами о классовой борьбе, с другой — в городах процветали крупные и мелкие собственники и их наемные работники. Таким образом, установленная формально диктатура пролетариата, не означала ликвидацию всех остальных социальных классов [Жиромская, 1988, с. 18]. Городские власти, через внедрение досуговых форм, имевших «нужную»

идеологическую нагрузку, пытались устранить социально-экономические противоречия и сформировать единую социокультурную среду, соответствующую идеологии советского общества. Изучение этой проблемы на микроуровне позволит более детально проследить способы устранения противоречий экономической и идеологической основ общества периода нэпа, процессы и проблемы становления советского общества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография советского города довольно обширна. Вопросы формирования особой социальной и культурной среды в период реализации новой экономической политики рассмотрены в исследованиях В. Б. Жиромской, И. Н. Камардина, Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидновой, Н. Б. Лебиной [Жиромская, 1988; Камардин, 2011, с. 26—32; Кринко и др., 2011; Лебина, 1999]. Авторами отмечены наиболее распространенные формы быта городского населения в указанный хронологический период. Взаимосвязи и взаимовлиянию идеологии и городской культуры, социальным слоям советского города посвящены работы И. Б. Олова [Орлов, 2010]. Указанные исследования стали методологической основой данной работы.

Нижегородская повседневность периода нэпа не часто становилась предметом исторических изысканий, что, несомненно, обуславливает актуальность и новизну данной темы. Однако повседневные практики — очень широкое понятие, включающее большой набор регулярно совершаемых действий. Авторы не претендуют на всесторонний анализ всех повседневных практик и сосредотачивают свое внимание на изучении наиболее распространенных будничных и праздничных форм городского досуга.

Изучение досуговых практик, с одной стороны, позволяет проследить тенденции государственной политики и механизмы реализации идеологических установок, а с другой — реальные интересы горожан, что позволит выявить соответствие данных процессов и установить эффективность государственной политики. Городской досуг нижегородцев стал основным аспектом нашего исследования.

Главным источником исследования стали материалы Нижегородской периодической печати. Особенностью газеты как исторического источника является отражение наиболее злободневных вопросов и проблем, значимых как для простых обывателей, так и для органов власти. Советская периодика 1920-х годов отражает формы идеологического воздействия и механизмы формирования новой повседневной культуры быта. Обращение к ней позволило проанализировать наиболее актуальные проблемы городской повседневности нижегородцев, способы организации досуга, а также выявить влияние идеологических установок и общероссийских практик на

досуговую среду города. К исследованию были привлечены материалы популярных в изучаемый период нижегородских газет «Нижегородская коммуна», «Молодая мать», «Искусство и сцена» за 1921—1924 годы.

Другим важным источником стали статистические материалы — Всероссийская перепись городского населения и статистический сборник «Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ СССР», давшие информацию о социальной структуре Нижнего Новгорода, ее соответствии другим городам европейской России, уровне доходов городского населения.

К источникам законодательного характера относятся постановления, распоряжения и узаконения Советской власти, Уголовный кодекс 1922 года. Комплекс данных документов дает представление о законодательной политике государства по отдельным вопросам, имеющим отношение к организации и формам городского досуга.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социальная структура Нижнего Новгорода и ее соответствие другим городам европейской России

Основой городской повседневности являются горожане, поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к изучению бытовых и культурных практик нижегородцев, необходимо проанализировать социальный состав данного города.

Основу городского сообщества 1920-х годов составляли рабочие. По данным Всесоюзной городской переписи населения 1924 года общая численность рабочего класса за 1923 год в Европейской части России достигла практически 1 млн 319 тыс. [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 43.] Пролетариат был чаще всего занят работой на заводах и предприятиях различных отраслей, например в сфере транспорта и строительства. Некоторый процент городского населения трудился во всевозможных государственных учреждениях.

В Нижнем Новгороде в 1923 году представителей рабочего класса обоих полов насчитывалось 17252 человека. Пролетариат был представлен горнорабочими, металлистами, трудящимися в деревообделочной отрасли, писчебумажниками и печатниками, текстильщиками, кожевниками, строителями и др. Непосредственно в Сормово — крупнейшем и старейшем предприятии губернии — трудилось 7764 рабочих [Там же, с. 249—254].

Следующей по численности составляющей городского населения был служащий персонал. Эта категория была весьма многочисленна во многих регионах страны и по численности превышала все остальные слои населения, в том числе и рабочий класс. Общее число служащих в Европейской

части страны составляло около 1 млн 134 тыс. К данной категории согласно материалам статистики относили технический персонал, торговых служащих, медиков и санитаров, работников культурно-просветительной сферы. Примечательно, что к этой же категории относили и работников судов и прокуратуры, милиционеров и пожарных, а также медицинских работников. Служащих в Нижнем Новгороде насчитывалось более 17 тысяч человек [Там же, с. 249—254].

Вопросы культуры и воспитания нового общества занимали важное место в государственной политике. В Нижнем Новгороде на 1923 год деятелей культурно-просветительской сферы насчитывалось около 1500 человек.

Также значимой частью категории служащих была техническая интеллигенция, к которой принадлежали инженеры, архитекторы, чертежники и др. Она не была многочисленной, но, тем не менее, потребность в ее росте в стране была.

В исследуемый период остро стояла проблема кадрового «голода» медицинских работников различных профилей, что открывало дорогу в эту сферу новым специалистам [Жиромская, 1988, с. 34]. Всего на 1923 год в стране работало более 32 тыс. медицинских работников, а в Нижнем Новгороде их на тот же год насчитывалось 1275 [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 254].

В период реализации новой экономической политики, разрешавшей свободную торговлю, в городах оживилась буржуазия. Так называемые нэпманы прекрасно осознавали, что они являются той самой социальной общностью, которая коренным образом отличается от иных социальных групп. Например, в записях правлений Обществ Взаимного Кредита можно встретить неоднократно формулировку «чуждые элементы». И рабочие, и правительство, инициировавшее новую экономическую политику, были настроены против нэпманов, называя их «буржуями» [Орлов, 2002, с. 30].

Общее количество представителей нового класса частных предпринимателей довольно сложно выявить. Однако, согласно материалам Народного комиссариата финансов СССР, численность лиц, плативших налог на доход и относившихся к группе владельцев торгово-промышленных предприятий и арендаторов, примерно за период с 1923—1924 годов составляла 1 млн 315 тыс. [Частный капитал ..., 1927, с. 5]. Отдельно вычленялась некая прослойка общества, получившаяся в переписи название «хозяева» и включавшая хозяев с наемными рабочими, хозяев, работающих только с членами семьи и хозяев-одиночки. Их общее число в Европейской части страны составляло около 617 тыс. В Нижнем Новгороде насчитывалось 299 хозяев с наемными рабочими и около 1539 хозяев, работающих только

с членами семьи. Однако стоит сделать оговорку, что не все хозяева, прибегающие к помощи родственников, считались нэпмановской буржуазией.

Мелкой буржуазией, согласно переписи, также были хозяева-одиночки, к примеру, ремесленники или кустари, также торговцы, которые зарабатывали на жизнь, продавая товары с рук или в лотках, корзинках и так далее [Жиромская, 1988, с. 55—56]. Их количество в Нижнем Новгороде составляло около 6390 человек [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 256].

Отдельной прослойкой населения, относившейся к мелкой буржуазии, были рантье или рантьеры — горожане, которые жили на нетрудовые доходы, то есть занимались спекуляцией или были мелкими домовладельцами. В Нижнем Новгороде они составляли совершенно небольшую долю — около 103 человек. В общей сложности в городе так называемых хозяев насчитывалось около 8228 человек [Там же, с. 255].

Отдельную категорию городского населения составляла прислуга. В общей совокупности ее численность ограничивалась 219 тыс. человек. В Нижнем Новгороде в 1923 году к прислуге относилось 1288 человек.

В структуру городского населения входили так называемые «лица свободных профессий». В основном это была интеллигенция — инженеры, врачи, учителя, писатели, художники. В эту же категорию входили священники и церковнослужители различных культов. Всего в Европейской части страны таких лиц насчитывалось 37 тыс., а в Нижнем Новгороде их число составляло 545 человек.

Всесоюзная городская перепись как отдельную категорию выделяла *деклассированные группы населения*. Считалось, что такие группы — это «дети», то есть наследие капиталистического города [Жиромская, 1988, с. 59]. К ним чаще всего относились нищие и проститутки. Их численность составляла практически 23 тыс. человек. В Нижнем Новгороде количественный состав деклассированных элементов составлял более 300 человек.

Из приведенной статистики следует, что формирование социального состава Нижнего Новгорода (включавшего практически все слои населения) в целом соответствовало общим для городов европейской России тенденциям, что делает данный город типичным в социальном отношении, а изучение нижегородской повседневности актуальной с научной точки зрения. Срез повседневной жизни нижегородцев 1920-х годов даст картину рутинных и праздничных городских практик европейской части России указанного периода. Особую ценность исследования представляет указанный хронологический период, поскольку новая экономическая политика, как указано выше, вносила некоторое несоответствие городской социальной структуры и государственной идеологии.

3.2. Досуговые практики Нижегородцев

Повседневность городского обывателя, безусловно, включала в себя работу, занимавшую значительную часть времени, которое к тому же строго регламентировалось. Значительную часть повседневных практик составляли бытовые дела, которым ежедневно необходимо было уделять время. Однако жители города в начале 1920-х годов нуждались также в отдыхе и развлечениях.

Изменившиеся условия жизни привели к полному перевороту в сфере развлечений и отдыха. Досуг теперь приобрел важную отличительную особенность — коллективность, поскольку именно массовость мероприятий обеспечивала их усвоение и закрепление в общественном сознании. Все большую популярность набирало проведение совместных вечеров, где обсуждались какие-то насущные темы, посещение выставок и лекций, концертов и секций [Орлов, 2010, с. 181].

Исследование Н. Б. Лебиной показало, что у рабочего с вычетом времени на работу и домашние дела оставалось в день по 4,7 часов свободного времяпрепровождения. Чаще всего эти часы использовались так: примерно 1,2 часа было положено отдыхать в прямом смысле этого слова, не занимаясь посторонними делами, также 1,6 часа занимало самообразование, под которым подразумевалось чтение литературы, посещение кружков, лекций, выставок. И оставшиеся 1,9 часа были заняты другими видами досуга, такими как танцы, прогулки, походы в гости и многое другое [Лебина, 1999, с. 273].

Стоит также отметить, что молодое поколение начала 1920-х годов уделяло больше времени самообразованию и разнообразию досуга в отличие от старших поколений. Рабочие стали больше читать, в основном политическую литературу. Например, в газетах того периода часто можно было встретить рекомендации к прочтению тех или иных сочинений, чаще всего В. И. Ленина или К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, несмотря на рекомендации, согласно статистическим данным библиотечного отдела Главполитпросвета за 1921—1922 годы, молодежь в библиотеках обращалась к приключенческим романам различных авторов, а девушки зачитывались произведениями Л. А. Чарской, чьи книги были запрещены цензурой [Лебина, 1999, с. 277]. Приведенные данные свидетельствуют о сохранении интереса к художественной литературе.

Можно сказать, что данное явление приводило к своеобразной политической борьбе государства за «молодые умы», поэтому часто в привычной форме художественной литературы выпускались произведения, включавшие идеологический подтекст. И так как практически каждый городской житель для ознакомления с текущими новостями покупал газету, то издатели формировали постоянные колонки, включавшие произведения малых

литературных форм — стихи, рассказы, фельетоны, пропагандировавшие ценности нового общества, соответствовавшие государственной идеологии. Например, в нижегородской газете «Молодая рать» была регулярная рубрика «Литературная страничка», где публиковались произведения — стихи или проза — жителей города или известных на тот период авторов. Все опубликованные сочинения имели прямой идеологический подтекст. Например, стихи рабочего В. «Будем строить революцию мира», рабочего Виктора «В кузнице Революции» [Рабочий Виктор, 1923, с. 3], проза А. Шелгунова «Безбожники» [Шелгунов, 1923, с. 3] и даже «Деревенские частушки и Комсомол» [Д. В., с. 5].

В еженедельном журнале «Искусство и сцена» регулярно можно было встретить статьи о литературе, рекомендации о новинках в данной области и прочесть произведения нижегородцев в прозе или в стихах [Литературная страничка ..., с. 15—18].

Чтение играло важную роль в самообразовании населения, однако результаты опроса, проведенного в 1925 году в крупных городах, свидетельствуют, что 75 % городской молодежи чтению более предпочитало поход в кино [Лебина, 1999, с. 293]. Однако стоит отметить, что поход в кинотеатр не был одинаково доступен всем горожанам. И. Б. Орлов, проводя анализ среднего уровня жизни городских жителей в СССР, выделил три категории семьи: первая — так называемая «рабочая целина», к которой чаще всего относились семьи, сохранившие дореволюционный быт; вторая — «первые борозды», а именно семьи, увлеченные новой революционной культурой; третья — «новь», где быт семей уже целиком и полностью был подвержен веяниям нового времени [Орлов, 2010, с. 105]. Семьи двух первых категорий редко посещали кино и театр. В первом случае глава семьи, возможно, и бывал там однажды, но для жен единственным видом досуга становилось обсуждение последних сплетен с соседками. Представители семей второй категории были нечастыми гостями в театрах и кино, однако уже более активно занимались общественной деятельностью — посещением лекций, собраний, кружков. Во всякого рода общественных мероприятиях участие принимали в основном мужчины. Семьи третьего типа больше всего времени уделяли общественной работе. В этом случае нередко жены не отставали от своих мужей и посещали всевозможные собрания женотделов. Кинотеатры в крупных городах страны только начали появляться. В Нижнем Новгороде в начале 1920-х годов действовал кинотеатр «Палас» (ныне «Орлёнок»), в котором можно было посмотреть «Продавцов душ» и «Прожигателей жизни». Также работал кинотеатр «Художественный», располагающийся на улице Свердлова, где ставили киноленты «Записки преступника» в 2 сериях, «Белая роза» и др. [Либретто кино, 1923, с. 19].

В городе были и другие места, где можно было культурно провести время. Например, музеи и библиотеки. В первой половине 20-х годов в Нижнем Новгороде насчитывалось 39 музеев различных категорий, библиотек же к 1921 году было 787. С увеличением количества библиотек росло и число литературы, которую в 1923—1924 годы читали 52 859 человек, а уже через год количество читателей выросло до 96 тыс. [Шульц, 1927, с. 175]. В 1924 году в здании бывшего Дворянского института была открыта Губернская центральная библиотека имени Ленина.

С начала реализации новой экономической политики учреждения «зрелищного характера» снимаются с государственного финансирования, поэтому многие театры приходят в состояние запущенности. Вскоре Губоно решает создать аппарат художественной работы на началах хозрасчета. С целью привлечения в театры рабочего класса вводилась чековая система. Работникам можно было приобрести билеты в кредит и со скидкой до 30 %. Уже к рубежу 1924—1925 годов благодаря чековой системе театр стало посещать более 11 тысяч зрителей [Шульц, 1927, с. 180].

Информация о театральных постановках распространялась через периодическую печать. Ежедневную газету «Нижегородская Коммуна» регулярно украшала колонка под названием «По театрам». Оттуда можно было узнать, что в Горсовтеатре и театре Целькульта ставили «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Фауста» И. Гёте, «На дне» М. Горького, пьесы на произведения Г. Запольской и мн. др.

Нижегородский театральный техникум, который находился в помещении Педагогического института (ИНО) на Тихоновской улице (ныне улица Ульянова), регулярно проводил показательные вечера для зрителей. В одном из номеров газеты была помещена статья о постановках, которые можно было увидеть в течение нескольких показательных вечеров. В первый вечер, к примеру, любитель театра мог посетить инсценировки рассказа Мопассана «Порт»; этюд Берниковой «Страничка романа»; старинный водевиль Куликова «Которая из двух» и в заключение многоголосную декламацию. Естественно, театральные вечера были не бесплатным развлечением, поэтому прежде, чем посетить их, необходимо было приобрести билеты в фойе Городского театра [По театрам ..., 09.03.1922].

Ведущую роль в театральной жизни Нижнего Новгорода играл 1-й Советский театр, в который регулярно приезжали популярные столичные артисты. Репертуар этого театра не ограничивался классическими постановками, к примеру «Кармен», на сцене также выступал театр импровизации, что было оригинальным явлением для провинциального города. Некоторые постановки для рабочих организаций проводили бесплатно, тем не менее посещение театра для многих горожан оставалось мечтой [Театры Нижнего ..., 1922, с. 5].

В Нижнем Новгороде развивалась и музыкальная сфера. В 1923 году вновь начал свою работу симфонический оркестр. В этом же году музыканты начали готовить программы, включавшие произведения Римского-Корсакова, Чайковского, Бетховена, Моцарта, Дебюсси и другие [Возрождение симфонического оркестра ..., 1923, с. 14—15].

Неотъемлемой частью культурного просвещения нижегородцев первой половины 1920-х годов являлись лекции, выставки, кружки и курсы. Особой популярностью пользовались кружки и курсы, посещение которых подразумевало обучение какому-либо профессиональному навыку, например стенографии [7-я губернская конференция профессиональных союзов, 02.03.1922, с. 2].

Неотъемлемой частью досуга горожан стали партийные или секционные собрания, которые включали не только обсуждение насущных вопросов, но и публичные доклады, творческие воскресники, спектакли-концерты. Например, для членов сельскохозяйственной секции в «Доме Союзов» в комнате № 10 проходили доклады А. А. Писнячевского на тему «Вредители сельско-хозяйственных растений», членам металлургической и металлообрабатывающей секции предлагался доклад инженера Семенова «Влияние термической обработки на мягкие сорта стали». Вход на такие мероприятия был свободным для членов профсоюза и «вообще для всех интересующихся» [На местах ..., 07.03.1922, с. 2].

Регулярно открывались выставки, пропагандирующие здоровый образ жизни, информирующие о профилактических мероприятиях против заболеваний, об охране труда. Художественные выставки не были частым явлением, но все же городской обыватель мог себя побаловать посещением картинных галерей. Например, в Нижегородском «Доме Союзов» в 1922 году состоялась художественная выставка, на которой были представлены работы живописцев, в том числе и местных, которые писали свои картины в различных стилях, начиная «от реализма и заканчивая супрематизмом». Там же можно было посетить лекции художника Ф. Богородского на темы «Смерть натурализму» (театрализация театра) и «Долой картину» (от станка к конструктивности) [Художественные хроники ..., 30.03.1922]. Содержание публичных лекций регламентировалось специальными постановлениями. «Обязательное постановление № 19» определяло, что с текстом выступления сначала должны были ознакомиться работники Политпросвета. Для этого выступающему нужно было предоставить «... в 2-х экземплярах за подписью самого выступающего и ответственного устроителя: А) тезисы или конспекты доклада для выступления по вопросам обществоведения и политологии; Б) программу доклада для выступлений по вопросам естественно-научного или прикладного характера. Также программа поми-

ми Политпросвета должна быть передана Военной Цензуре» [Собственно говоря ..., 31.03.1922, с. 2]. Только после ознакомления и дозволения этих органов выступающему выдавалось разрешение на проведение лекций и докладов на ту или иную тему.

Все вышеперечисленные виды досуга составляли повседневность будних и воскресных дней. От них существенно отличались официально установленные праздничные дни. Новые государственные праздники стали механизмом утверждения идеологии и находились на особом счету и контроле. Их развлекательная программа была расписана по часам и районирована [Кринко и др., 2011, с. 200]. Безусловно, одним из самых торжественных праздников с 1918 года стал день Великой Октябрьской революции. Организация этого мероприятия требовала детальной проработки программы на два дня празднования и включала торжественные заседания, шествия, митинги и собрания. 7 ноября проводились всевозможные спектакли, демонстрации кинофильмов, детские утренники и концерты [По клубам ..., 1923, с. 9]. В 1922 году программа празднований в Нижнем Новгороде включала следующие мероприятия: 6 ноября на всех фабриках, заводах, предприятиях, во всех учреждениях и красноармейских частях рабочий день заканчивался в 12 часов дня. В 11 часов начинались публичные доклады о достижениях Советской власти и задачах на будущий год. Далее в центре города в Городском Советеатре, в Канавино и в Сормово в рабочих клубах проходили торжественные заседания. Обширная развлекательная программа для горожан приходилась на 7 ноября. К 10 утра по городским районам назначался сбор членов профсоюзов, и в 11 часов начиналось шествие со знаменами к площади Революции, а потом к улице Свердлова (Большой Покровской). Уже вечером все члены профсоюзов и красноармейских частей могли посетить бесплатные спектакли и концерты [На местах ..., 04.11.1922, с. 2].

Другим праздником, предназначенным для замены традиционного и в недавнем прошлом значимого религиозного праздника Рождества Христова, стало так называемое комсомольское рождество. В выпуске газеты «Молодая рать» от 18 января 1923 года подробно описан этот праздник. Вечер открывался лекцией товарища Николаева, который «ошарашил буйную публику» тезисом, что Христа не было. Как пишут авторы заметки, лекция прошла на ура и докладчика засыпали вопросами и аплодисментами. Далее следовала «пьеска Рождество попа Сергия» и раздача подарков. Однако этим вечер не закончился, позже последовало сорокаминутное шествие. «При ярком свете факелов и фейерверков, руководимые “Красной звездой”, прошли комсомольцы и беспартийная молодежь до комсомола и обратно. Толпа пела “Молодую гвардию”, “Интернационал” и “Карманьолу”. С криками “ура” был сожжен бог Саваоф, который был сделан

из соломы и под седого старика — раскрашенный нашими художниками. Праздник удался и еще более сплотил нашу Сормовскую организацию» [Сормович ..., 1923, с. 3].

Помимо комсомольского рождества также праздновалась и комсомольская пасха [Чичеров, 1924, с. 2]. Она посвящалась освобожденному и освобождающемуся труду. Этот воскресный день сопровождался разного рода досуговыми мероприятиями. Для рабочих «Красного Сормова» и жителей города (до 1928 года населенный пункт Сормово имел статус города) было организовано три центра празднований — Гортеатр, клуб «Металлистов» и помещение Сормовского ЕПО. Вечер открывала просветительская сатирическая лекция о «Христианской пасхе». После лекции слушателей ждали кино и танцы [Майский, 1924, с. 5].

В период массовой антирелигиозной кампании, направленной, согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 года на изъятие церковных ценностей и дискредитацию церкви как общественного института, особое значение приобретало приобщение молодежи к культуре нового общества [Советская Россия ..., 2000, с. 40.]. Традиционные ценностные ориентиры необходимо было заменить на новые, коммунистические. Это осуществлялось посредством внедрения новой праздничной культуры взамен старой, а также активной антирелигиозной пропаганды в средствах массовой информации. В газетах печатались разоблачающие статьи о религии и священнослужителях, сатира, высмеивающая Бога и верующих в целом. В газете «Молодая рать» появилась регулярная рубрика «Уголок юного безбожника», где на примерах из местной жизни обесценивалось значение церкви. Так, в колонке публиковались новости о нарушении общественного порядка церковно- и священнослужителями, об их пристрастии к алкоголю, о недопустимости торговли предметами культа в магазине Нижгубкоммуноотдела [На местах ..., 17.05.1923].

Внедрялись разнообразные рабочие праздники, не требовавшие отрыва от производства. Наиболее распространенными среди них были праздники урожая, годовщины частей особого назначения (ЧОН), советского быта и чистоты рабочего места [Кринко и др., 2011, с. 205].

3.3. Девиантные формы досуга и способы борьбы с ними

Однако политика идеологического воспитания горожан посредством организации новых досуговых практик не всегда давала желаемый результат. В начале 1920-х годов отмечается рост девиантного поведения. Как отмечает И. Б. Орлов, в первые годы нэпа существовало две стороны досуга одновременно: официальная и теневая [Орлов, 2010, с. 181]. Новая экономическая политика стимулировала возрождение азартных игр. В ноябре 1921 года была официально разрешена продажа игральных карт. Во

многих крупных городах Советской России появились игорные клубы [Лебина, 1999, с. 299].

Другим видом девиантного досуга стало обращение к услугам проституток. Удивительно, но в основном услугами жриц любви пользовались не нэпманы или состоятельные горожане, а рабочие. По проведенному в Петрограде опросу в 1920 году к услугам проституток прибегали 43 % рабочих, спустя всего три года этот показатель возрос до 61 % [Орлов, 2010, с. 106]. Власть не считала эту деятельность трудовой и планировала покончить с феноменом продажной любви сразу после решения более насущных проблем города: голода, обнищания, безработицы. Статьи Уголовного кодекса РСФСР 1922 года предусматривали наказание за содержание притонов, принуждение к занятиям проституцией, а также вовлечение в сексуальную коммерцию несовершеннолетних. Однако уголовное преследование незначительно снизило интерес к продажной любви со стороны пролетариата [Лебина, 2019, с. 174]. В одной из нижегородских газет в 1922 году вышла статья П. Алоева о развитии приютов любви в городе. По данным автора, сразу в нескольких квартирах одного из домов предоставлялись услуги проституток. Жилищная нужда в этих квартирах была особенно заметна, поскольку в «маленькой набитой до последней возможности людьми кроватями и всякой рухлядью комнатке человеческие интимные отношения ничем не прикрывались» [Алоев, 1922, с. 2]. Сама хозяйка и дети ютились в этой же комнате. В этом же доме, но этажом выше жили еще две девицы, предоставлявшие интимные услуги. В их квартире в углу у входа находилась кровать хозяйки, по стенам налево и направо располагались две другие кровати, одна из которых была занята посетителем. Одну из девиц звали Маруськой, она жила в этой квартире со своей сестрой лет двенадцати. Девочка ходила на вокзал и к ресторанам, чтобы завести гостей в квартиру. За эту работу сестра ее кормила и одевала. Однако девочке совсем негде было спать, поэтому ночи она коротала под кроватью сестры. На первом этаже этого же дома также находилась еще одна особая квартира. Как замечает автор статьи, она была куда лучше обставлена: на окна висели кисейные занавески, подоконники были украшены цветами. В комнате можно было видеть пару венских стульев и мягкий продавленный диван с круглым перед ним столом, накрытым самодельной скатертью. В этой квартире за перегородкой виднелась кухня, в комнате стояли отдельные кровати. Все эти детали интерьера доказывали, что здесь можно получить любовные услуги «более высокого» уровня, нежели в предыдущих квартирах [От мрака к свету ..., 24.12.1922, с. 2].

Но все же одной из самых распространённых девиантных форм досуга был алкоголизм. Пьянство в повседневности русского общества не было

чем-то новым и диковинным, однако государственная идеология построения нового советского общества не рассматривала торговлю алкогольной продукцией как основу экономического благосостояния советских граждан, относясь к ней как к способу получения «легких денег». Уже в марте 1922 года на XI съезде РКП(б) Ленин поставил вопрос о категорическом недопущении «торговли сивухой» ни в частном, ни в государственном порядке [Лебина, 1999, с. 327]. Иными словами, большевистская власть считала алкоголизм пережитком прошлого, от которого нужно было избавляться. Но дело в том, что в целом пристрастие к спиртным напиткам было частью повседневной культуры. Ни один праздник, ни одно застолье не обходилось без пламенных речей, запитых крепким алкоголем, посему быстро отучить человека от привычного досуга оказалось не так просто [Камардин, 2011, с. 26].

Специальное постановление Совнаркома РСФСР от 1921 года разрешило производство и продажу виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин, ограничивая содержание в них алкоголя двадцатью градусами. При этом торговцы должны были получить особое разрешение местных исполкомов. В 1922 году государственный контроль в сфере производства и торговли алкоголем был усилен. Специальным постановлением СТО РСФСР от 15 февраля устанавливалось, что продажа спирта учреждениям, предприятиям и частным лицам как для технических, так и для медико-санитарных и прочих потребностей может производиться исключительно местными спиртовыми органами (рауспирт) и только по нарядам Госспирта [Собрание узаконений ..., 1922, с. 354]. Постановление СТО от 26 июня 1922 года категорически запрещало отпускать спирт с заводских складов на внутренний рынок без особых нарядов Центра [Орлов, 2010, с. 151].

Усиление государственного контроля за алкогольной продукцией и сферой ее производства способствовало росту самогонарения. Государственная винокуренная промышленность не могла сравниться с дешевой и крепкой самогонкой. Самогонарение было довольно распространенным явлением еще в годы военного коммунизма. Крестьяне старались как можно быстрее перекурить хлеб, чтобы не сдавать его в качестве продрозверстки. В первой половине 1920-х годов самогон продолжал пользоваться большой популярностью, но уже не только в деревнях, но и в городе. Промышлять самогомом было довольно прибыльно. Ближе к середине десятилетия в 1924 году бутылку сахарной самогонки в деревне в среднем можно было приобрести за 50 копеек, но в городе цена вырастала в четыре раза и составляла уже около 2 рублей [Орлов, 2010, с. 151].

В «Нижегородской коммуне» за 1922 год дается яркая характеристика распространению пьянства среди сормовских рабочих. «Сегодня получка! с утра несетя из уст в уста эта реплика. Под шум ее Сормово как будто

оживает в этот день. Завод. Полдень... Около окна становится “черед” за получкой. ...Агенты самогонного треста тоже не дремлют. Они везде, где только возможно, предлагают «на ушко» свои изделия: изюмную и сахарную, нахваливая их качество. Горе тем, кто к ним попадет на удочку. От полочки останется одно воспоминание и головная боль...» [Рабочая жизнь ..., 26.12.1922, с. 2]. В газетных статьях этого времени дни так называемых «получек» характеризуются как «праздничные», «разухабистые». В Сормово к концу рабочего дня у кооператива, ведущего торговлю винной продукцией, выстраивалась огромная очередь. Ее состав соответствовал заводской социальной структуре. Тут можно было встретить и «забубенных пьянчуг», практически полностью пропивающих свою зарплату, и молодежь, хотевшую всего лишь отдохнуть и расслабиться после рабочей недели. Для многих представителей рабочего класса изучаемого периода было привычной нормой «хорошо погулять» в день зарплаты и потом снова жить впроголодь. В газеты поступали требования горожан, что стоит убрать питейные заведения, кабаки и самогонные лавки от заводов, так как в основном рабочие, не успев насладиться полученными деньгами за собственный труд, пропивают их в тот же день [Паршивую овцу ..., 09.06.1923, с. 2].

Про Гордеевку (городская окраина, расположенная близ железнодорожного вокзала) в Нижнем Новгороде говорили, что это «царство зеленого змея» и безудержного пьянства. По воскресеньям «одержимые духом» «преспокойно почивали» на большой дороге, на скамейках около дороги и тротуаров. Практически каждый вечер по району разгуливали пьяные компании с гармонистом, распевая песни [Вечеринка рабочих ..., 27.12.1922, с. 2]. Нередко шумные компании не устраивали других жителей города. Нижегородский обыватель писал в одну из местных газет, что в Канавино есть спортивный центр, однако используется он как танцевальный дом [Наш манеж ..., 27.12.1922, с. 2]. Даже в 11 пехотной школе комсостава вместо концертов устраивались танцы до глубокой ночи [На местах ..., 21.11.1921, с. 2].

Показательно, что класс, имевший больше денежных средств и прозванный в народе *нэлманами*, отдыхал иначе. Питейными заведениями их уровня были рестораны-кабаре. В начале 1920-х годов в журналах и газетах крупных городов можно было встретить рекламу таких заведений. В Нижнем Новгороде также были заведения подобного рода, пользовавшиеся популярностью горожан. Одним из них был ресторан «Олимп», располагавшийся на Осыпной улице (сегодня ул. Пискунова). Там ежедневно проходили кабаре-вечера с участием московских и петроградских артистов. Днем в таком ресторане можно было отобедать, а вечером начиналась развлекательная программа. В «Олимпе» часто выступал «Театр Варьете»,

любимцами посетителей были артисты Аркаша Аркадьев, Василий Скопин, танцовщица В. А. Невельская-Пряникова и Ирина Трей. Часто исполнялись цыганские романсы, выступал оркестр [Ресторан «Олимп» ..., 06.12.1021, с. 2]. На Ново-Базарной площади (ныне площадь Горького) можно было посетить ресторан «Метрополь». Он тоже специализировался на кабаре вечерах и игре в бильярд [Первоклассный ресторан ..., 1923, с. 20].

Таким образом, пьянство было девиантной формой досуга, распространенной в рабочей среде, что отрицательно сказывалось и на бытовой жизни горожан, и на городской среде в целом.

С пьянством пытались бороться. Помимо идеологических и пропагандистских мер применялись и силовые. В статьях 140—141 Уголовного Кодекса 1922 года было детализировано и ужесточено наказание за «изготовление и хранение для сбыта, а равно торговлю самогоном в виде промысла, с целью личного обогащения». Законодательством устанавливалось наказание в виде лишения свободы не менее чем на три года «со строгой изоляцией, конфискацией всего имущества и поражением в правах на срок до пяти лет» [Уголовный кодекс 1922 года ..., с. 17]. Производство самогона для личного употребления, а не для продажи влекло за собой штраф до 500 рублей золотом или полгода принудительных работ. В Сормове проходили разбирательства и суды по подозрению в нарушении закона в сфере производства и продажи самогона [На местах ..., 24.11.1922]. Всего было возбуждено 11 дел в Нарсуде, 4 из которых в ноябре 1922 года были рассмотрены [Суд на самогоном ..., 29.11.1922, с. 2].

Как было указано выше, продажа самогона была весьма прибыльным делом, и горожане любых профессий пытались таким образом получить дополнительную прибыль. Так, например, в производстве самогона была обвинена бывшая заведующая железнодорожной школы Разумовская. Этот случай был освещен в «Нижегородской коммуне», примечательно, что этой теме была отведена передовица газеты. «Злодеяние происходило в самом помещении школы и было обнаружено “среди бела дня” в бывшей школе имени Башкировых, где проживает изобретательная учительница» [На местах ..., 29.11.1922, с. 2]. Был выявлен помощник обвиняемой — преподаватель ремесел Вайчунайтис. Их «преступное сообщество» было названо «ученым синдикатом». Однако это дело приняло необычный поворот, когда обвиняемые заявили, что занимались самогонноварением исключительно в научных целях.

Только за 1923 год по всей стране было конфисковано 115 тыс. самогонных аппаратов, к следующему году их число выросло до 135 тысяч [Орлов, 2010, с. 156].

В декабре 1924 года вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О разрешении выделки и продажи наливок, настоек, коньяка и ликерных вин крепостью не свыше 30 и об установлении размера акцизного обложения указанных напитков», которое позволило снизить популярность самогонварения в советском обществе. В августе 1925 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» [Собрание законов и распоряжений ..., с. 526], а в октябре того же года государство стало производить и реализовывать спиртные напитки крепостью до 38 градусов включительно. Указанные меры позволили усилить государственный контроль за самогонварением, вывести его из тени и снизить его популярность в среде городского сообщества.

4. Заключение = Conclusions

Можно заключить, что социальная структура Нижнего Новгорода начала 1920-х годов представляла собой сложный комплекс разнородных категорий населения, что в целом соответствовало тенденциям формирования городского населения городов европейской России. Большую часть нижегородцев составляли рабочие, второй по численности была категория служащих. Среди них наиболее внушительно были представлены работники культурно-просветительской сферы и медицинские работники, а вот церковно- и священнослужители по данным переписи были представлены незначительно. Довольно широкой в Нижнем Новгороде была прослойка так называемых «хозяев» или «буржуев». Их общее количество составляло около половины численности пролетариата. Данное явление можно объяснить тем, что город имел давние торговые традиции, еще не затронутые будущей индустриализацией.

В повседневности нижегородцев периода нэпа были представлены многие формы досуговых практик. Городская культурная среда была хорошо развитой. В Нижнем Новгороде работали библиотеки, музеи, театры и кинотеатры. Их деятельность, литературный фонд и репертуар были подчинены веяниям времени и строго обусловлены классовым идеологическим подходом. Важно отметить, что данные культурные формы впервые стали доступны широкому кругу населения. Возможно, не каждый городской обыватель мог себе позволить посещать кино или театр, однако в городской среде всегда была альтернатива в виде бесплатных культурно-просветительских мероприятий. Большая часть из них была идеологизирована и направлена на формирование новых ценностей и культуры нового коммунистического общества. Информация о культурных событиях постоянно публиковалась в периодической печати, что способствовало их по-

пуляризации среди горожан. Активно внедрялась традиция новых праздников, также получавшая освещение в периодике. Праздничная культура советского города формировалась под влиянием новой идеологии. Внедрялись и популяризировались периодической печатью такие праздники, как комсомольское рождество или комсомольская пасха. Их главной задачей было вытеснение традиционных религиозных ценностей из сознания и досуговых практик горожан и их замещение новыми идеологическими установками. Значительную роль в дискредитации Русской Православной церкви играла нижегородская периодическая печать, в частности, молодежные газеты, включавшие такие рубрики, как «Уголок Без Божника», «На местах», «Безбожник».

Однако в период реализации новой экономической политики у нижегородцев пользовались популярностью девиантные и не поощряемые властью досуговые формы. В рабочей среде было распространено пьянство и обращение к услугам «жриц любви», нэпманы проводили свободное время в ресторанах, бильярдных и кабаре. Распространение девиантных форм досуга свидетельствует о том, что, несмотря на существовавшие в городской среде возможности культурного отдыха, далеко не все горожане ими пользовались. Причины этого явления могли быть разнообразными — от низкого общекультурного уровня и недостатка образования, до отсутствия временных и материальных ресурсов. Их конкретизация требует более глубокого изучения. Однако можно заключить, что девиантные формы досуга актуализировались напряженным рабочим процессом, необустроенным бытом пролетариата и излишками денежных средств, занятых в частном секторе «хозяев».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. 7-я губернская конференция профессиональных союзов // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 50. — 2 март.
2. Алоев П. Бытовые очерки. Рабочая жизнь / П. Алоев // Нижегородская коммуна. — 1922. — № 294. — 24 декабря.
3. Вечеринка рабочих // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 297. — 27 декабря.
4. Возрождение симфонического оркестра // Искусство и сцена. — 1923. — № 1. — Январь. — С. 14—15.
5. Д. В. Деревенские частушки и Комсомол (Бытовая картинка) / Д. В // Молодая рать. — 1923. — № 6. — 11 март.

6. *Итоги* Всесоюзной городской переписи 1923 г. / Труды ЦСУ СССР. — Москва : [б. и.], 1924—1925. — 155 с.
7. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период нэпа / И. Н. Камардин // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* — 2011. — № 4. — С. 26—32.
8. *Либретто* кино. Продавцы душ // *Искусство и сцена.* — 1923. — № 5. — Февраль. — С. 19.
9. *Литературная страничка* // *Искусство и сцена.* — 1923. — № 2. — Январь. — С. 15—18.
10. *Майский К.* Штурмуем. Как прошла Комсомольская Пасха / К. Майский // *Молодая рать.* — 1924. — № 21—22. — 9 мая.
11. *На местах* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 54. — 7 марта.
12. *На местах* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 251. — 4 ноября.
13. *На местах.* Веселая хроника // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 265. — 21 ноября.
14. *На местах* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 268. — 24 ноября.
15. *Наши манеж* растащивался // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 297. — 27 декабря.
16. *От мрака к свету — и обратно* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 294. — 24 декабря.
17. *Паршивую* овцу из стада вон // *Нижегородская Коммуна.* — 1923. — № 129. — 9 июня.
18. *Первоклассный* ресторан «Метрополь» // *Искусство и сцена.* — 1923. — № 2. — Январь.
19. *По клубам* // *Искусство и сцена.* — 1923. — № 7. — Март.
20. *По театрам* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 56. — 9 марта.
21. *Рабочая жизнь* // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 296. — 26 декабря.
22. *Рабочий Виктор.* В кузнице Революции // *Молодая рать.* — 1923. — № 18. — 27 июля.
23. *Ресторан «Олимп»* // *Нижегородская коммуна.* — 1921. — № 277. — 6 декабря.
24. *Собрание* узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1922. Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. — Москва : [б. и.]. — 1950. — № 18. — 1934 с.
25. *Собрание* узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г. Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. — Москва : [б. и.], [б. г.]. — 568 с.
26. *Собственно* говоря...ничего не говоря // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 74. — 31 марта.
27. *Сормович.* Как мы проводили Комсомольское Рождество // *Молодая рать.* — 1923. — № 2. — 18 января.
28. *Суд* на самогоном // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 272. — 29 ноября.
29. *Театры* Нижнего 1922 год // *Искусство и сцена.* — 1923. — № 3—4. — Январь. — С. 5.
30. *Уголовный кодекс* 1922 года. — Москва : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. — 26 с.
31. *Художественные* хроники // *Нижегородская Коммуна.* — 1922. — № 73. — 30 марта.

32. *Частный капитал в народном хозяйстве СССР / Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А. М. Гинзбурга. — Москва ; Ленинград : АО «Промиздат», 1927. — 566 с.*
33. *Частный капитал в народном хозяйстве СССР : Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А. М. Гинзбурга. — Москва ; Ленинград : АО «Промиздат». — 1927. — 566 с.*
34. *Чичеров И.* Уголок Без Божника. Комсомольская Пасха / И. Чичеров // Молодая мать. — 1924. — № 17. — 11 апреля.
35. *Шелгунов А.* Безбожники / А. Шелгунов // Молодая мать. — 1923. — № 13—14 июня.
36. *Шульц Ф. Ф.* Десять лет советской власти в Нижегородской губернии 1917—1927 / под редакцией О. Л. Рывкина, предисловие А. И. Муралова. — Нижний Новгород : Издание Нижгубисполкома, 1927. — 221 с.

Литература

1. *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921—1925 гг. : проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская. — Москва : Наука, 1988. — 166 с.
2. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период нэпа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4. — С. 26—32.
3. *Кринко Е. Ф.* Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. : жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Криненко, И. Г. Тажиудинова, Т. П. Хлынина. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — 359 с. — ISBN 978-5-4358-0019-7.
4. *Кулинич Н. Г.* Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы / Н. Г. Кулинич. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2010. — 375 с. — ISBN 978-5-7389-0863-7.
5. *Лебина Н. Б.* Пассажиры колбасного поезда : этюды к картине быта российского города : 1917—1991 / Н. Б. Лебина — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 574 с. — ISBN 978-5-4448-0948-8.
6. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города : Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева» : Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. — 316 с.
7. *Людтке А.* История повседневности в Германии : Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 268 с. — ISBN 978-5-8243-1405-2.
8. *Орлов И. Б.* Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. : мифы и реальность / И. Б. Орлов // Новый исторический вестник. — 2002. — № 6. — С. 29—42.
9. *Орлов И. Б.* Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления : монография / И. Б. Орлов. — Москва : ВШЭ, 2010. — 316 с. — ISBN 978-5-7598-0701-8.
10. *Советская Россия в 20-е гг. : НЭП, власть большевиков и общество / С. И. Голотик, А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. — 2000. — № 2. — С. 122—181.*

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.*

Material resources

- Aloev, P. (1922). Household essays. Working life. *Nizhny Novgorod commune*, 294. December 24. (In Russ.).
- Artistic chronicles. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 73. March 30. (In Russ.).
- By clubs. (1923). *Art and stage*, 7. March. (In Russ.).
- By theaters. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 56. March 9th. (In Russ.).
- Chicherov, I. (1924). *Corner Without a God. Komsomol Easter. Young army*, 17. April 11. (In Russ.).
- Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government for 1922. Department one / People. The Commissariat of Justice*, 18. (1950). Moscow: [b. i.]. 1934 S. (In Russ.).
- Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government of the RSFSR for 1925 Department one / People. The Commissariat of Justice*. Moscow: [b. i.], [b. g.]. 568 p. (In Russ.).
- D. V. (1923). Village chastushki and Komsomol (Household picture). *Young army*, 6. March 11. (In Russ.).
- First-class restaurant “Metropol”. (1923). *Art and stage*, 2. January. (In Russ.).
- From darkness to light — and back. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 294. December 24. (In Russ.).
- Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among the workers of the Volga region during the NEP period. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 4: 26—32. (In Russ.).
- Libretto of cinema. Sellers of souls. (1923). *Art and the stage*, 5. February. S. 19. (In Russ.).
- Literary page. (1923). *Art and the stage*, 2. January. 15—18. (In Russ.).
- Maisky, K. (1924). Storming. How was the Komsomol Easter. *Young army*, 21—22. May 9. (In Russ.).
- Olymp restaurant. (1921). *Nizhny Novgorod commune*, 277. December 6. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 251. November 4. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 268. November 24. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 54. March 7. (In Russ.).
- On the ground. Funny chronicle. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 265. November 21. (In Russ.).
- Our playpen has danced. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 297. December 27. (In Russ.).
- Private capital in the national economy of the USSR*. (1927). Moscow; Leningrad: Promizdat JSC. 566 p. (In Russ.).
- Private capital in the national economy of the USSR: Materials of the Commission of the Supreme Economic Council of the USSR*. (1927). Moscow; Leningrad: Promizdat JSC. 566 p. (In Russ.).
- Schultz, F. F. (1927). *Ten years of Soviet power in the Nizhny Novgorod province 1917—1927*. Nizhny Novgorod: Edition of the Nizhny Novgorod Executive Committee. 221 p. (In Russ.).
- Shelgunov, A. (1923). Atheists. *Young army*. June 13—14. (In Russ.).
- Sormovich. (1923). How we spent Komsomol Christmas. *Young army*, 2. January 18. (In Russ.).
- Strictly speaking ... without saying anything. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 74. March 31. (In Russ.).
- The 7th provincial conference of trade unions. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 50. March 2. (In Russ.).

The black sheep out of the herd. (1923). *Nizhny Novgorod Commune*, 129. June 9th. (In Russ.).

The Criminal Code of 1922. (1922). Moscow: Publication of the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the Central Executive Committee. 26 p. (In Russ.).

The moonshine trial. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 272. November 29. (In Russ.).

The results of the All-Union urban Census of 1923. (1924—1925). Moscow: [b. i.]. 155 p. (In Russ.).

The revival of the symphony orchestra. (1923). *Art and the stage*, 1. January. 14—15. (In Russ.).

Theaters of Nizhny Novgorod in 1922. (1923). *Art and stage*, 3—4. January. P. 5. (In Russ.).

Worker Victor. In the forge of the Revolution. (1923). *The Young Army*, 18. July 27. (In Russ.).

Worker's party. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 297. December 27. (In Russ.).

Working life. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 296. December 26. (In Russ.).

References

- Golotik, S. I., Danilin, A. B., Evseeva, E. N., Karpenko, S. V. (2000). Soviet Russia in the 20s: NEP, the power of the Bolsheviks and society. *New Historical Bulletin*, 2: 122—181. (In Russ.).
- Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among workers of the Volga region during the NEP period. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 4: 26—32. (In Russ.).
- Krinko, E. F., Tazhidinova, I. G. (2011). *The everyday world of the Soviet man of the 1920s—1940s: life in conditions of social transformations*. Rostov-on-Don: Publishing House of the YUNTS RAS. 359 p. ISBN 978-5-4358-0019-7. (In Russ.).
- Kulinich, N. G. (2010). *Everyday culture of the citizens of the Soviet Far East in the 1920s—1930s*. Khabarovsk: Publishing House of TOGU. 375 p. ISBN 978-5-7389-0863-7. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920—1930s*. St. Petersburg: Neva Magazine: Publishing and trading house “Summer Garden”. 316 p. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2019). *Passengers of the sausage train: sketches for a picture of the life of a Russian city: 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 574 p. ISBN 978-5-4448-0948-8. (In Russ.).
- Ludtke, A. (2010). *The history of Everyday life in Germany: New approaches to the study of labor, war and Power*. Moscow: ROSSPEN. 268 p. ISBN 978-5-8243-1405-2. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2010). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation: monograph*. Moscow: HSE. 316 p. ISBN 978-5-7598-0701-8. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2002). The image of Nepman in the mass consciousness of the 20s: myths and reality. *New Historical Bulletin*, 6: 29—42. (In Russ.).
- Zhiromskaya, V. B. (1988). *The Soviet city in 1921—1925: problems of social structure*. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 17.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*